

**Взгляд молодежи на советскую эпоху:
между перспективами новых идентичностей
и вызовами войн памяти¹**

**Young people's view of the Soviet era: between
the prospects of new identities and the challenges
of memory wars²**

DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-1-85-97

УДК 94(470)

Получено: 15.01.2022

Одобрено: 17.02.2022

Опубликовано: 25.03.2022

Багдасарян В.Э.

д-р ист. наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета.

e-mail: vardanb@mail.ru

Bagdasaryan V.E.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law of the Moscow Region State University.

e-mail: vardanb@mail.ru

Журавлев В.В.

д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета.

e-mail: ya.vvzh@yandex.ru

Zhuravlev V.V.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Contemporary History of Russia of the Moscow Region State University.

e-mail: ya.vvzh@yandex.ru

Ларионов А.Э.

канд. ист. наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета.

e-mail: allar71@yandex.ru

Larionov A.E.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State University.

e-mail: allar71@yandex.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43023.

² Funding: The research was funded by RFBR, project number 21-09-43023.

Федорченко С.Н.

канд. полит. наук, профессор кафедры политологии и права, заместитель декана факультета истории, политологии и права по научной работе Московского государственного областного университета.

e-mail: sn.fedorchenko@mgou.ru

Fedorchenko S.N.

Candidate of Political Sciences, Professor of the Department of Political Science and Law, Deputy Dean of the faculty of History, Political Science and Law for Research, Moscow Region State University.

e-mail: sn.fedorchenko@mgou.ru

Шульц Э.Э.

канд. ист. наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета.

e-mail: nuap@yandex.ru

Schultz E.E.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State University.

e-mail: nuap@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена результатам социологического опроса участников международной научной конференции студентов и аспирантов «Взгляд молодежи на советскую эпоху: между перспективами новых идентичностей и вызовами войн памяти», организованной факультетом истории, политологии и права Московского государственного областного университета 27 октября 2021 г. Основной методологической оптикой послужили принципы социологического опроса. Опрос был нацелен на изучение отношения современной российской молодежи к советской эпохе. Особенностью социологического исследования стал высокий образовательный уровень молодых людей, более глубокое знание и вовлеченность респондентов в историю России. Обозначено, что войны памяти на постсоветском пространстве возникают именно из-за разной интерпретации истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны. Теоретический вклад работы заключается в том, что анализ научной литературы показал, что войны памяти, их хронология тесно зависят от особенностей процессов и этапов формирования новых постсоветских идентичностей. В выводах отмечается, что в отношении молодых поколений к советской эпохе, в оценке ее деятелей и событий наблюдаются значительные изменения в сравнении с предшествующими периодами. Советская эпоха в целом получает больше положительных мнений, происходит переосмысление оценки ее деятелей. Итоги исследования позволяют сформировать представление о сегодняшних суждениях молодых поколений о советском прошлом, трендах в информационном поле, формирующих интерпретации истории и оказывающих влияние на актуальные процессы идентификации.

Ключевые слова: образ СССР, молодежь о советской эпохе, историческая память, войны памяти, идентичность.

Abstract

The article is devoted to the results of a sociological survey of participants in the international scientific conference of students and graduate students «Young people's view of the Soviet era: between the prospects of new identities and the challenges of memory wars », organized by the Faculty of History, Political Science and Law of the Moscow Region State University on October

27, 2021. The main methodological optics were the principles sociological survey. The survey was aimed at studying the attitude of modern Russian youth towards the Soviet era. A feature of the sociological study was the high educational level of young people, a deeper knowledge and involvement of respondents in the history of Russia. It is indicated that wars of memory in the post-Soviet space arise precisely because of different interpretations of the history of the Second World War and the Great Patriotic War. The theoretical contribution of the work lies in the fact that the analysis of scientific literature has shown that the wars of memory, their chronology are closely dependent on the characteristics of the processes and stages of the formation of new post-Soviet identities. The conclusions note that in relation to the younger generations to the Soviet era, in the assessment of its figures and events, there are significant changes in comparison with previous periods. The Soviet era as a whole receives more positive assessments, there is a rethinking of the assessment of its leaders. The results of the study allow us to form an idea of today's assessments of the young generations of the Soviet past, trends in the information field that shape the interpretation of history and influence the current processes of identification.

Keywords: image of the USSR, youth about the Soviet era, historical memory, wars of memory, identities.

Финансирование

«Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43023» («Funding: The research was funded by RFBR, project number 21-09-43023»).

Введение

Проблема исторической памяти и изучения изменяющегося восприятия предыдущих эпох становится все более актуальным исследовательским компонентом в социальных и гуманитарных науках. Наибольший научный пробел пока сохраняется в области соотношения процессов формирования новых идентичностей и каузальных механизмов войн памяти. Почему этот вопрос так важен? Во-первых, идентичность (политическая, цивилизационная, этническая, религиозная и т.п.) всегда значима для социализации, создания устойчивых социальных отношений, политических систем и успешной легитимации их политических режимов. Развитие капитализма, в том числе капитализма цифровых техногигантов, способствовало распространению логики общества потребления, учету властями большинства стран мира рыночных индивидуалистических отношений, риторики личностной стороны идентичности, противоположной социальной идентичности, в основе которой лежит нарратив экономического и культурного равенства [9]. Во-вторых, такие изменения, особенно на фоне падения Советского Союза, вызвали в постсоветских и других странах противоречия между новыми и прежними моделями идентификации, что позже привело к возникновению феномена войн памяти. Война за память – это, прежде всего, аксиомахия (ценностная война), имеющая своей целью обеспечить в конкретной стране господство определенной интерпретации истории, конкретных социально-экономических и политических процессов; связать образы прошлого, настоящего и будущего исходя из задач властных кругов. Поэтому, как правило, процессы принятия или отторжения новых ценностей (каркасов любой идентичности) инициируются элитами разных уровней – национальными и региональными. В последнее время можно говорить и о факторе интересов транснациональных элит (например, финансовых), особенно цифровых корпораций.

Сейчас чрезвычайно важно понять, какое влияние историческая память о советской эпохе оказывает на конструирование образов политической власти, распространение социальных паттернов, моделей политического поведения в современных постсоветских странах. Комплексный и глубокий анализ позволит: а) определить фундаментальные механизмы идентификации посредством коммеморативных техник политики памяти; б) понять закономерности войн памяти; в) купировать риски деструктивных процессов формирования постсоветских идентичностей на основе «образа врага», минимизировать конфликты идентификационного плана. У любого общества есть «запрос на идентичность»,

так как через систему символов, образов и ритуалов идентичность позволяет человеку усваивать и воспринимать информацию благодаря понятным и простым моделям [7]. Часто целью политики памяти [2] и войн памяти является молодежь. При этом идентификация постсоветской молодежи может в том числе выстраиваться на интерпретации образа советского прошлого [17]. Следует подчеркнуть, что кардинальные противоречия в оценке советской эпохи среди молодых людей способны оказывать влияние на выстраивание взаимоотношений между постсоветскими странами в настоящем и будущем. Остается только вопрос, какие политические акторы будут стоять во главе этих идентификационных процессов. Такой набор взаимосвязанных проблем определил в качестве цели статьи изучение отношения современной российской молодежи к советской эпохе.

Отражение проблемы в научных исследованиях

Актуализация научного дискурса о войнах памяти связана с политическими, геополитическими, информационными и социально-экономическими процессами, возникшими из-за распада Советского Союза. Политические элиты новых стран, возникших на постсоветском пространстве, стали встраиваться в новые глобальные и региональные экономические правила, процессы и цепочки. Региональная и глобальная интеграция наложила серьезный отпечаток на реформирование образовательных систем, приоритеты в научном сотрудничестве, изменения в культурно-исторической и языковой политике, политике идентичности на постсоветском пространстве.

Довольно часто войны памяти возникают именно из-за разной интерпретации истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны. В последние десятилетия историческая память о событиях той эпохи подверглась сильным испытаниям на прочность. По оценке отдельных авторов [5], первые метаморфозы были отчетливо видны при вступлении восточно-европейских стран в ЕС, когда активизировался нарратив переосмысления роли советского фактора в истории. Усилили этот новый нарратив в сфере журналистики, экспертном сообществе ЕС провозглашение Европарламентом дня памяти жертв сталинизма и нацизма в 2008 г., принятие ОБСЕ в 2009 г. Вильнюсской декларации международного дня памяти жертв тоталитаризма и т.п.

Сейчас появляются труды, где предпринимаются попытки выявить причины и этапы войн памяти. Рассматриваются такие проявления войн памяти, как «война памятников», уравнивание советского и нацистского режимов как тоталитарных систем, принижение роли Восточного фронта Второй мировой войны в западном медийном дискурсе, конструирование новой исторической реальности, имитация, коммерциализация и профанизация исторической памяти и т.п. [3]. Зарубежные авторы интересуются конкретными ответными мерами российских властей, связывая их с формированием национальной идеи России, возвращением ее к миссии евразийского лидера [18].

Другие исследователи сосредоточены на аспектах цифровизации исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны. Рассматриваются сложные процессы цифровизации традиционных постсоветских идентичностей [13, 15]. К примеру, выделяется порядка 15-20 типов цифровых ресурсов, связанных с формированием «новой памяти» (от масштабных интегрированных исторических порталов до компьютерных игр) [13]. Отсюда серьезную исследовательскую актуальность и перспективу имеют политологические работы по вопросам целевого формирования политических суждений посредством цифровых инфраструктур [1], проблемам влияния алгоритмов на мнение людей [16].

Вполне возможно, что войны памяти, их хронология, тесно зависят от особенностей процессов и этапов формирования новых постсоветских идентичностей, особенно политических. Например, на первом этапе конструирования идентичностей в 1990-х гг. [14] местными постсоветскими элитами были активированы нарративы легитимации своей власти и обоснования независимости новых стран. Появились первые признаки мифологизации местной истории. Восточно-европейские страны постсоветского ареала начинали связывать свою цивилизационную судьбу с Европой, Западом, среднеазиатские –

обращаться к своим восточно-цивилизационным корням, мусульманской культуре. Второй этап развития постсоветских идентичностей начался со включения в ЕС стран Балтии и «оранжевой революции» в Украине в 2004 г. В некотором отношении этот этап стал переломным. Украина уходит от «многовекторности», ее власти начинают проводить политику декоммунизации, постепенно нарастает нарратив противоречий с Россией. США, вводя санкции против Белоруссии, способствуют ее геополитическому колебанию и позже сближению с Россией. Третий этап строительства постсоветских идентичностей начался с 2014–2015 гг. после украинского «Евромайдана», присоединения Крыма к Российской Федерации, начала крупномасштабного кризиса на Востоке Украины. Этот этап сопровождался высокой политической турбулентностью, всплесками информационных войн, попытками России запустить интеграционные процессы в формате Евразийского экономического союза, обострением геополитической конфронтации между Россией и Западом (США, ЕС). Дополнительным подтверждением наличия этапов у данных процессов служат исследования Т.В. Евгеньевой и А.В. Селезневой в области образно-символической репрезентации советской истории [7].

Строительство новой идентичности в России имело свои особенности. Еще ранние замеры показывали, что образ СССР в исторической памяти россиян стал ассоциироваться со стабильностью, доступностью образования, медицины, качественных продуктов. Социологический замер российской молодежи, проведенный в 2005 г., выявил, что ее представители гордятся такими событиями, сферами в советской истории как победа над фашизмом, развитие космонавтики, наука, достижения в искусстве и культуре, спорте, образовании. Диаметрально противоположные оценки касались тем репрессий, гражданской войны, перестройки, развала Советского Союза. Положительная оценка страны соотносится с такими категориями как «мощь страны», «морально-нравственные ценности общества», «социальная сфера». Больше всего положительных оценок касалось следующих персон – Гагарин, Сталин, Жуков, Ленин, Хрущев, Брежнев. Что интересно, среди наиболее запомнившихся тематик уроков в школе респондентами назывались «Великая Отечественная война», «гражданская война», «Ленин», «Сталин», «оттепель, Хрущев, XX съезд» [12]. Особенное внимание авторами обращается на новую темпоральность, отличительные признаки социального времени в России, специфика которого проявляется в нескольких характерных чертах: а) консерватизме (ностальгия, державность, образ жизни, социальные практики) и б) циклизме (соотнесение советского периода с настоящим) [4].

Большой интерес представляют современные социологические замеры, посвященные мнению постсоветской молодежи, студенчества. Так, в одном из таких проектов было выявлено несколько типов исторической памяти: субъективно-исторический, мифологическо-исторический, ценностно-исторический, фрагментарно-исторический, эмоционально-исторический, диспозиционный, формально-исторический, лично-исторический, «беспамятство». Опрос в РУДН показал, что среди российских студентов преобладает ценностно-исторический и формально-исторический типы, тогда как среди иностранных студентов – как эмоционально-исторический, так и формально-исторический типы памяти о Второй мировой войне [11]. Примечательно, что современные ученые выделяют так называемые «консолидирующие тренды» в исследовательском дискурсе о Великой Отечественной войне, когда изучается героическая летопись, подвиги конкретных участников войны, память о различных операциях, интернациональный характер сопротивления агрессору, разбирается воспитательно-патриотическая сторона связи разных поколений [6].

Среди имеющихся исследований пока мало работ, связывающих проблемы исторической политики, войн памяти с аспектами формирования новых идентичностей постсоветских стран. И все же ученые постепенно начинают обращаться к этой сфере, замечая высокую уязвимость в политической и социальной идентичности такого элемента как коллективная память. К примеру, риски современной российской идентичности, в первую очередь, связываются с техниками демонтажа коллективной памяти о Победе в

Великой Отечественной войне, актуализацией «исторической травмы», дискредитацией существующих интерпретаций истории, культивированием новых мифов, конструированием иных исторических нарративов. Все перечисленные техники войн памяти, по оценке некоторых авторов, так или иначе производны от американской стратегии «трансформационной дипломатии» (transformational diplomacy) [8]. Распад Советского Союза, приведший к отказу от проекта развития советской идентичности, сменился не просто отторжением всего советского образа жизни, но и способствовал десоветизации в символическом, ценностном и материальном воплощении. Идеологическо-классовые компоненты формирования и воспроизводства идентичностей, как отмечают некоторые авторы, стали сменяться на религиозно-этнические [10].

Методологическая оптика

Один из наиболее эффективных методов измерения исторической памяти в оценке больших социальных групп – социологический опрос. Такой социологический опрос был проведен в рамках международной научной конференции студентов и аспирантов «Взгляд молодежи на советскую эпоху: между перспективами новых идентичностей и вызовами войн памяти», организованной факультетом истории, политологии и права Московского государственного областного университета 27 октября 2021 г. Обследование было организовано посредством сервиса Google Forms. В опросе приняли участие 103 респондента в возрасте от 17 до 34 лет: от первого курса бакалавриата до аспирантов включительно. 1% респондентов представлял группу старше 34 лет, которая являлась контрольной.

Респонденты имели достаточно высокий образовательный уровень: почти 70% респондентов имеют среднее, среднее специальное или среднее техническое образование, почти 30% – высшее образование. Следует учитывать и специфику участников конференции и опроса: более глубокое знание истории России и вовлеченность в изучение и исследование истории.

Возрастной состав участников опроса распределился следующим образом: до 18 лет (первый курс бакалавриата и специалитета) – 17,5%; самая массовая группа – от 18 до 24 лет (студенты бакалавриата, специалитета, часть магистров) – 77,7%; группа от 25 до 34 лет (аспиранты, часть магистров) – 3,9%.

Из общего числа респондентов Москву представляло 61,2% респондентов, города миллионники – 2,9%, столько же – города с населением от 500 до 1 млн, города от 100 до 499 тыс. – 21,4%, города менее 100 тыс. – 11,7%. Основное представительство участников опроса – Центральный федеральный округ: 92,2% (Северо-Западный – 3,9%, Приволжский – 1,9%, Южный – 1%, Уральский – 1%). Гендерное деление распределилось таким образом: мужчин – 58,3%, женщин – 41,7%. 93,2% участников опроса не состояли в брачных отношениях.

Уровень благосостояния респондентов, в принципе, представляет репрезентативный срез этих возрастных категорий в общих показателях по стране.

Самая большая доля принадлежит двум категориям:

1) «Денег хватает на питание, одежду и мелкую бытовую технику, но купить сейчас телевизор, холодильник или стиральную машину затруднительно» – 25,2%.

2) «Денег хватает на крупную бытовую технику, но мы не могли бы купить новую машину» – 20,4%.

Фиксируются две соотносимые группы, каждая из которых включает по 13,6% от общего числа респондентов:

1) «Денег хватает на все, кроме покупки недвижимости (дачи и квартиры)».

2) «Материальных затруднений не испытываем, при необходимости могли бы купить дачу и квартиру».

6,8% респондентов выбрали «На питание денег хватает, но покупка одежды вызывает затруднения», а 1% – «Не хватает денег на питание». Большая доля молодых людей – 19,4% – затруднилась с ответом.

Результаты

Обычно положительное отношение к СССР относят к ностальгии старших поколений и идеализированию материального положения и социальных гарантий государства. Совершенно отличную картину дает опрос студентов и аспирантов.

При ответе на вопрос «Как вы думаете, живете вы в том же возрасте лучше родителей или нет?» 22,3% респонденты ответили «значительно лучше», 35,9% – «скорее лучше». Т.е. почти 60% опрошенных. 11,7% ответили «скорее хуже» и 4,9% «значительно хуже», при этом затруднились с ответом на вопрос 12,6%.

Проверка показателей на другом вопросе дала иные результаты. На вопрос «Если бы в 1991 году Советский Союз не распался, лично Вы жили бы хуже или лучше, чем живете сейчас?» 11,7% ответили «значительно лучше». Тогда как 21,4% выбрали «скорее лучше». «Примерно одинаково» ответили 11,7%, «Скорее хуже» – 15,5%, «Значительно хуже» – 6,7%. Обращает внимание большая доля затруднившихся с ответом – 33% опрошенных.

Таким образом, оценка разницы в уровне благосостояния в сравнении с СССР значительно разнится. Утверждение, что сегодня молодые люди живут лучше, чем их родители в том же возрасте в СССР строится не на том, что резко увеличилось благосостояние, а на иных принципах: например, развитие техники, большая доступность товаров и информации как общемировой тренд. Можно выделить до четверти молодых людей, которые уверенно отвечают, что их материальное благосостояние улучшилось и жить их семья стала лучше.

Вопрос респондентам «Как Вы относитесь к распаду Советского Союза в 1991 году?» дал следующее распределение ответов: 1 – 14,6%, 2 – 1,9%, 3 – 5,8%, 4 – 5,8%, 5 – 19,4%, 6 – 7,8%, 7 – 3,9%, 8 – 11,7%, 9 – 9,7%, 10 – 19,4%. Равновесие положительной и отрицательной оценки – ответы «5» и «6» составили 27,2%. Точки экстремума – 14,6% положительной оценки и 19,4% отрицательной. Отрицательная оценка значительно усиливается позицией тех, кто дал скорее отрицательную оценку – оценки 7-9 – 25,3% (в противовес скорее положительной, чем отрицательной оценке – от 2 до 4 баллов – 13,5%). Т.е. пятая часть опрошенных относит распад СССР к абсолютно и бесспорно негативному событию; еще для четверти респондентов это событие является более отрицательным, чем положительным; примерно равновеликость положительных и отрицательных черт складывается в представлении еще чуть более четверти опрошенных.

В вопросе «Что было главным достоинством СССР?» наиболее востребованными ответами стали: уверенность в завтрашнем дне – 17,5%; бесплатное жилье, государство давало квартиры – 13,6%; качественное высшее образование – 12,6%; бесплатная медицина – 7,8%; гордость за страну – 6,8%; сильная наука – 5,8%; со страной считались на международной арене – 4,9%; качественное среднее образование – 3,9%. Остальные ответы набрали от нуля до 3%, что говорит о меньшей востребованности среди молодежи в целом и конкретно в группе с достаточно высоким уровнем образования и исторического образования (среди вариантов: «Качественное профессионально-техническое и среднетехническое образование», «Сильная армия», «Грамотное руководство страной», «Нулевая инфляция, цены не росли или практически не росли», «Несмотря на дефицит отдельных товаров или продуктов, все нужное было доступно», «Низкая квартплата и коммунальные платежи», «Чувство безопасности, отсутствие криминала», «Уважение к старшим», «Развитая промышленность», «Широкие возможности для хобби и отдыха», «Высокие пенсии»).

При этом главным недостатком СССР, самой неприятной его чертой респонденты называли: «Дефицит, отсутствие товаров» – 24,3%, «Постоянное вранье и лицемерие на всех уровнях – от телевизионных каналов до всяческих партийных, комсомольских и прочих собраний, ленинских зачетов и т.п.» – 18,4%, «Отсутствие свободного выезда за границу (и на отдых, и на работу)» – 10,7%, «Преследование инакомыслящих, диссидентов» – 9,7%, «Гонения на церковь» – 9,7%, «Коррупция на всех уровнях, от «подарков» врачам и

учителям, до коррупции в руководстве» – 8,7%. (Менее 3%: низкая зарплата – 2,9%, дедовщина в армии – 1,9%, отсутствие приличного сервиса – 1,9%, дискриминация по национальному признаку – 1,9%, отсталая промышленность – 1%, отсталость науки – 1%, огромные очереди на жилье – 1%).

Примечательно, что не заставшие эпоху СССР респонденты могли получить эти представления и оценки от более старших поколений – в семьях или из масскульта и медиа.

На вопрос о причинах распада СССР (возможность отметить любое количество вариантов или «Ни одно из них») 57,3% респондентов ответили, что это стало результатом неумелого руководства последних руководителей страны. То, что «Распад Советского Союза был неизбежен, если бы даже удалось его избежать в 1991 году – все равно распался бы позже» уверены 35,9%. Здесь представляется существенным фактор ретроспективного взгляда: возрастные категории, принявшие участие в опросе, родились после распада СССР и только теоретически могут себе представлять существование сегодняшних отдельных республик в составе единого государства.

На водораздел в обществе, отражающийся и в молодых поколениях с высоким образовательным уровнем, указывает полярность оценки о нежизнеспособности социализма (что и привело к развалу СССР – 23,3%) и о том, что главная трагедия – это переход к капитализму после развала СССР (17,5%), что демонстрирует противостояние в сознании социалистических и либеральных идей. (Ни один из вариантов ответов не удовлетворил 11,7% респондентов.)

На предложение указать временные промежутки и правителей, которые больше всего ассоциируются с понятием СССР, 56,3% студентов и аспирантов назвали Сталина, 18,4% – Ленина, 12,6% – Брежнева. Хрущева назвали лишь 5,8%, а Горбачева – 1,9% опрошенных.

Здесь во многом молодые респонденты сходны с более старшими поколениями, которые несколько чаще называют Брежнева. Ленин и Сталин являются символами образования СССР, экономического и политического прорыва страны, победы во Второй мировой войне.

При уточняющем вопросе о тех событиях, которые больше всего ассоциируются у молодых людей с эпохой СССР (возможность более одного варианта ответа), 65% назвали Великую Отечественную войну, 40% – революцию 1917 г., 50,5% – полет Юрия Гагарина в космос, 35,9% – Холодную войну, 27% – коллективизацию, 29,1% индустриализацию. Высокий уровень сохраняет тема репрессий – 33% респондентов отметили эти события, как символ СССР для них.

В определении значимых исторических периодов в ассоциации с СССР, при наложении ответов на вопрос о личностях и вопрос о событиях выбиваются «полет Юрия Гагарина в космос» (50,5% ответов) и «Холодная война» (35,9% ответов) – первое событие относится ко времени Хрущева (с которым не ассоциируется образ СССР), а второе – начавшись в правление Хрущева, к брежневской эпохе (при невысоких показателях в 12,6% об ассоциации Брежнева с образом СССР). Высокие показатели в данном сравнительном контексте получили «война в Афганистане» – 24,3% и «Олимпиада в Москве в 1980 г.» – 23,3%.

Среди молодежи небольшие ассоциации с СССР (в отличие от более старших поколений) имеют такие события как гражданская война (15% отметок), НЭП (12,6%), голод 1930-х (13,6%), оттепель (14,6%), XX съезд и разоблачение культа личности (12,6%), освоение целины (10,7%), стройки 70-х (БАМ и др.) – 8,7%.

Оценка приведенных ответов представляет интерес в сравнении с несколькими следующими вопросами и реакцией на них респондентов.

Так, результаты ответов на вопрос: «Про какие из этих событий Вы знаете не только из учебников, кино, книг, а по рассказам старших родственников, по "семейным преданиям"?» (ответ подразумевал выбор любого количества событий) коррелируют с предыдущими данными по целому ряду данных. По высоким показателям: «Великая Отечественная война» – 66%, «Запуск первого спутника и полет в космос Ю. Гагарина» –

35%. По низким показателям: гражданская война – 16,5%, голод 1930-х – 12,6%, коллективизация – 21,4%, оттепель – 16,5%, «XX съезд и разоблачение культа личности» – 9,7%, НЭП – 8,7%

Высокий показатель семейных преданий и рассказов родственников имеет ответ «Репрессии 1930-х» – 26,2%, что, видимо, формирует высокий показатель ассоциации данных событий с образом СССР в раннем вопросе. «Холодная война», которая получила 35,9% ответов на вопрос событиях, соотносимых с советской эпохой, в рассказах старших родственников и семейных преданиях занимает лишь 18,4%. Значительно более высокие показатели имеют события периода брежневской эпохи (что вполне естественно): «Освоение целины» – 17,5%, «стройки 70-х (БАМ и др.)» – 22,3%, «война в Афганистане» – 43,7%, «Олимпиада в Москве в 1980 г.» – 49,5%.

Следующая группа вопросов – отношение к событиям и деятелям истории советского периода, в которых вопросы предполагали ответы по 10-балльной шкале, где 1 означает «очень положительное отношение», 10 – «резко отрицательное отношение».

Первый вопрос: «Как Вы относитесь к Октябрьской революции 1917 года?». Максимальное количество ответов – 36% (сумма ответов «5» – 28,2% и 6 – 7,8%) получила «срединная позиция» – равенство положительной и отрицательной оценки. 11,7% респондентов дали абсолютно положительную оценку («1»), и ровно столько же – абсолютно отрицательную (10). 25,2% – более отрицательная, чем положительная (от 2 до 4), 15,6% – более положительная, чем отрицательная оценка событий (от 7 до 9).

Вопрос «Как Вы относитесь к Ленину?» дал следующее распределение ответов. Однозначно положительная оценка (12,6%) и однозначно отрицательная (13,6%) почти одинаковы. Равновесная оценка: уравнивание положительного и отрицательного отношения («5» и «6») – составила 23,3%. Скорее положительная (от 2 до 4) – 30,1% в противовес скорее отрицательной (от 7 до 9) – 20,3%.

На вопрос «Как Вы относитесь к Сталину?» ответы распределились следующим образом: 1 – 6,8%, 2 – 11,7%, 3 – 8,7%, 4 – 11,7%, 5 – 13,6%, 6 – 9,7%, 7 – 4,9%, 8 – 12,6%, 9 – 5,8%, 10 – 14,6%. Абсолютно негативная оценка (10) в 2,1 раза превышает абсолютно положительную – 14,6 против 6,8%. «Равновесную оценку» (5 и 6) дали 23,3% респондентов. Положительная оценка несколько перевешивает отрицательную (2-4) у 32,1%, отрицательная оценка перевешивает положительную (7-9) у 23,3% респондентов. Сумма положительной оценки – оценки от 1 до 4 включительно – составляет 38,9%. Сумма отрицательной оценки – оценки от 7 до 10 включительно – составляет 37,7%. Таким образом, несмотря на перевес резко отрицательной оценки фигуры Сталина, эти значения крайне низки – 14,6%, особенно в сравнении с теми данными, что давали 1980-е – 2000-е гг. При этом, в целом положительное отношение у образованной в области истории молодежи превалирует: 38,9% против 37,7% (а при учитывании оценки «5» в сторону «скорее положительная, а оценки «6» в сторону «скорее отрицательная», эта разница становится еще ощутимее: 52,2% против 47,4%).

Показательны здесь ответы на еще более с оценочной точки зрения вопрос: «Как Вы относитесь к Берии?». Было получено такое распределение ответов: 1 – 6,8%, 2 – 2,9%, 3 – 7,8%, 4 – 12,6%, 5 – 29,1%, 6 – 10,7%, 7 – 11,7%, 8 – 5,8%, 9 – 4,9%, 10 – 7,8%. Абсолютно положительная оценка («1») собрала 6,8%, абсолютно отрицательная («10») – 7,8%. Баллы «5» и «6» – равновесие положительной и отрицательной оценки – 39,8%. Перевес положительной над отрицательной оценкой (2-4) у 23,3% респондентов; а перевес отрицательной над положительной оценкой (7-9) – у 22,4%. Что говорит об абсолютной неоднозначности в оценке данной фигуры среди опрашиваемых, в то время, как и в исторической науке, и в общественной мысли, и в масскульте со времени Н.С. Хрущева из Л.П. Берии создавалась абсолютно или почти абсолютно отрицательная фигура. На этом примере очевидно изменение к целому периоду эпохи, которое сказывается и на оценке ее деятелей.

Вопрос «Как Вы относитесь к Хрущеву?» дал следующее распределение ответов: 1 – 7,8%, 2 – 2%, 3 – 8,7%, 4 – 10,7%, 5 – 19,4%, 6 – 11,7%, 7 – 17,5%, 8 – 6,8%, 9 – 3,9%, 10 – 10,7%. Абсолютно положительно («1») – 7,8%, абсолютно негативно – 10,7%. Уравновешенностью положительных и отрицательных черт в данной фигуре и ее правлении оценило (баллы «5» и «6») – 31,1% респондентов. Максимальные цифры дали показатели «4» и «7» – положительные или отрицательные немного перевешивают – 28,2% в сумме. Вместе оценки от 4 до 7 включительно составляют большинство оценки – 59,3%. С одной стороны, это может свидетельствовать, как в примере со Сталиным, об уравновешенности положительных и отрицательных черт в оценочном суждении, с другой стороны – об определенном безразличии к данной фигуре. Цифры опроса об ассоциациях фигур лидеров и периодов истории с СССР, где Хрущеву отдали голос лишь 5,8%, а события из его периода (кроме запуска спутника и полета Гагарина, которые не обязательно ассоциируются именно со временем правления Н.С. Хрущева) «оттепель» (14,6%), «XX съезд и разоблачение культа личности» (12,6%), «освоение целины» (10,7%) получили наименьшие значения в ассоциации с советской эпохой, позволяют склоняться к варианту ответа о безразличии к данной фигуре.

В вопросе «Как Вы относитесь к Брежневу?» получилось следующее распределение ответов: 1 – 7,8%, 2 – 1%, 3 – 11,7%, 4 – 15,5%, 5 – 20,4%, 6 – 12,6%, 7 – 13,6%, 8 – 8,7%, 9 – 3,9%, 10 – 4,9%. Абсолютно положительная оценка («1») собрала 7,8% голосов, абсолютно отрицательная («10») – 4,9%. И снова на графике наблюдается «горка» в центре: оценки от 4 до 7 собрали 62,1%, где пик – оценка «5» собрала 20,4% голосов. Логика оценки участниками вполне понятна: высокий уровень жизни в брежневскую эпоху и ее достижения в противовес застойным явлениям, приведшим к Перестройке.

Вопрос «Как вы относитесь к Горбачеву?» дал такое распределение ответов: 1 – 8,7%, 2 – 4,9%, 3 – 7,8%, 4 – 6,8%, 5 – 17,5%, 6 – 9,7%, 7 – 2,9%, 8 – 14,6%, 9 – 9,7%, 10 – 17,5%. Высок уровень абсолютно отрицательного отношения к данному политику – 17,5%. Как и у старших поколений, низок процент положительно оценивающих – 8,7% и скорее положительно (2-4) – 19,5%, но эта доля составляет чуть более четверти опрошенных. Более высока, в сравнении с этим, доля скорее отрицательного отношения (7-9) – 27,2%. Уравновешенность положительных и отрицательных черт (5-6) признает 27,2% опрошенных. На «срединную оценку» и более высокий уровень положительного отношения, чем у старших поколений влияет, скорее всего, тот факт, что респонденты не застали эпоху Горбачева и не имеют острой психологической связи между правлением Горбачева и проблемами конца 1980-х – 1990-х гг. При этом, в представлении молодежи фигура Горбачева, видимо, не жестко привязана к развалу СССР, иначе, те результаты, что дал вопрос оценки развала СССР, должны были сказаться в негативную сторону на оценке фигуры последнего генерального секретаря ЦК КПСС и единственного президента СССР.

Особый интерес представляют оценки деятелей либерально-демократического толка.

В вопросе «Как Вы относитесь к Солженицыну?» оценки распределились следующим образом: 1 – 5,8%, 2 – 7,8%, 3 – 8,7%, 4 – 5,8%, 5 – 27,2%, 6 – 7,8%, 7 – 10,7%, 8 – 2,9%, 9 – 5,8%, 10 – 17,5%. Выделяется резко отрицательное отношение опрошенных – 17,5% и равновесие в оценке положительных и отрицательных черт (5 и 6) – 35%. Скорее отрицательно данную фигуру оценивает (6-10) 44,7%, а скорее положительно (1-4) – 28,1% опрошенных, что еще десятилетие назад выглядело бы необычным для образованной аудитории.

Более сбалансированным, с меньшим отрицательным отношением, выглядит оценка фигуры академика Сахарова. Ответы на вопрос «Как вы относитесь к академику Сахарову?» распределились оценочно следующим образом: 1 – 12,6%, 2 – 6,8%, 3 – 9,7%, 4 – 6,8%, 5 – 28,2%, 6 – 6,8%, 7 – 6,7%, 8 – 7,8%, 9 – 3,9%, 10 – 10,7%. Почти равновеликое абсолютное позитивное (1) и негативное (10) отношение: 12,6 против 10,7% и доминирование уравновешенности положительной и отрицательной оценки (5-6) – 35%

опрошенных. И здесь мы наблюдаем изменение в отношении к фигуре – символу либеральных изменений в России.

Выводы

В отношении молодых поколений к советской эпохе, в оценке ее деятелей и событий наблюдаются значительные изменения в сравнении с предшествующими периодами. Советская эпоха в целом получает больше положительных оценок, происходит переосмысление оценки ее деятелей. Происходит смена на положительное отношение к Ленину и Сталину – фигурам, представляющим наибольшие ассоциации с эпохой СССР, к революции 1917 г. – фигуры и события, которые получили резко негативное информационное освещение в период второй половины 1980-х – начала 2000-х гг., продолжающийся во многом и до сего дня. Растет негативное отношение к распаду СССР, либеральным деятелям, с которыми ассоциируется данный распад и вектор развития страны в 1990-х гг., причем пик негатива к М.С. Горбачеву у предыдущих поколений, похоже, прошел.

Также необходимо отметить, что теоретический анализ научной литературы показал, что войны памяти, их хронология тесно зависят от особенностей процессов и этапов формирования новых постсоветских идентичностей, в том числе политических. В постсоветской действительности и в российской действительности, в частности, войны памяти возникают именно из-за разной интерпретации истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны. В этих условиях важно снизить уровень противоречий в оценках советского прошлого между образовательными системами, массмедиа, научными сообществами, политическими элитами разных постсоветских государств, чтобы минимизировать риски перехода информационных, мемориальных войн в войны реальные – классического типа.

Литература

1. Барышкин А.Г., Быков И.А., Володенков С.В., Игнатьева О.А., Казаков А.А., Кондратенко К.С., Мирошниченко И.В., Морозова Е.В., Сморгунов Л.В., Тимофеева Л.Н. Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникации на цифровых платформах. – Москва: Политическая энциклопедия. 2021. Сер. Политология России. – 310 с.
2. Белов С.И. Политика памяти: прошлое как инструмент управления будущим. – Санкт-Петербург: Межрег. общ. орг. соц, 2021. – 281 с.
3. Бордюгов Г.А. Память о Второй мировой войне 2020: война продолжается, Третья мировая, мемориальная //Историческая экспертиза. – 2020. – № 4(25). – С. 237-253. – DOI: 10.31754/2409-6105-2020-4-237-253.
4. Головашина О.В. Образ Советского Союза в социальной памяти современных россиян (на материалах эмпирического исследования) //Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 11(57). – С. 193-198.
5. Головашина О.В. "Мемориальные войны": между метафорой и концептом //Tempus et Memoria. – 2021. – Т. 2. – № 1. – С. 43-52. – DOI: 10.15826/tetm.2021.1.006.
6. Гриценко Г.Д. Память о Великой Отечественной войне как фактор консолидации российского полиэтничного общества //Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. – 2021. – № 2. – С. 156-172. – DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-156-172.
7. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности //Полис. Политические исследования. – 2016. – № 3. – С. 25-39. – DOI: 10.17976/jpps/2016.03.04.
8. Крамаренко М.Б. Историческая политика как инструмент внешнего воздействия на идентичность //Постсоветские исследования. – 2021. – Т. 4. – № 1. – С. 33-42.
9. Моран М. Идентичность и политика идентичности: культурно-материалистическая история //Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2021. – № 1(135). – С. 15-39.

10. *Пастюк А.В.* Обоснование трансформации культурно-цивилизационной идентичности на постсоветском пространстве // *Science Time*. – 2014. – № 12. – С. 387-390.
11. *Пузанова Ж.В., Нарбут Н.П., Ларина Т.И., Тертышников А.Г.* Типология исторической памяти о Второй мировой войне: методологические аспекты изучения (на примере студенчества РУДН) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. – 2020. – Т. 20. – № 2. – С. 292-306. – DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-292-306.
12. *Саганенко Г.И., Воронцова О.А.* Представления молодежи о стране эпохи СССР // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. – 2008. – № 27. – С. 158-187.
13. *Сибиряков И.В.* Феномен "новой памяти" о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. – 2020. – Т. 20. – № 3. – С. 55-62. – DOI: 10.14529/ssh200308.
14. *Фадеева Л.А., Плотников Д.С.* Политика идентичности и международная безопасность европейских государств постсоветского пространства // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. – 2021. – Т. 23. – №4. – С. 614–629. - DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-614-629.
15. *Федорченко С.Н.* Формирование новых идентичностей на постсоветском пространстве: между реальным и цифровым миром // *Журнал политических исследований*. – 2021. – Т. 5. – №3. – С. 3-15. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-3-3-15.
16. *Beer D.* The social power of algorithms // *Information, Communication & Society*. - 2017. - Vol. 20. - Issue. 1. - P. 1-13. - DOI: 10.1080/1369118X.2016.1216147.
17. *Larionov A., Baghdasaryan V., Fedorchenko S., Shults E.* Exogenous factors of memory formation about the great soviet era in contemporary Russia // *Linguistics and Culture Review*. 2021. 5(S3). - P. 1597-1605. - DOI: 10.21744/lingcure.v5nS3.1830.
18. *Willerton J., Beznosov M., Carrier M.* A Russian national idea and the international system // *Журнал политических исследований*. – 2021. – Т. 5. – №3. – P. 75-96. – DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-3-75-96.

References

1. Baryshkin A.G., Bykov I.A., Volodenkov S.V., Ignat'eva O.A., Kazakov A.A., Kondratenko K.S., Miroshnichenko I.V., Morozova E.V., Smorgunov L.V., Timofeeva L.N. *Autsorsing politicheskikh suzhdeniy: problemy kommunikatsii na tsifrovyykh platformakh* [Outsourcing of political judgments: problems of communication on digital platforms]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ. 2021. 310 p.
2. Baryshkin A.G., Bykov I.A., Volodenkov S.V., Ignat'eva O.A., Kazakov A.A., Kondratenko K.S., Miroshnichenko I.V., Morozova E.V., Smorgunov L.V., Timofeeva L.N. *Autsorsing politicheskikh suzhdeniy: problemy kommunikatsii na tsifrovyykh platformakh* [Outsourcing of political judgments: problems of communication on digital platforms]. M., Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2021, Ser. Politologiya Rossii, 310 p.
2. Belov S.I. *Politika pamyati: proshloe kak instrument upravleniya budushchim* [Memory politics: the past as a tool for managing the future]. SPb., Mezhhreg. obshch. org. sots. Publ., 2021, 281 p. (In Russian).
3. Bordyugov G.A. Pamyat' o Vtoroy mirovoy voyne 2020: vojna prodolzhaetsya, Tret'ya mirovaya, memorial'naya [Memory of World War II 2020: the war continues, World War III, memorial], *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise], 2020, I. 4(25), pp. 237-253, DOI: 10.31754/2409-6105-2020-4-237-253.
4. Golovashina O.V. *Obraz Sovetskogo Soyuz a v sotsial'noy pamyati sovremennykh rossiyan (na materialakh empiricheskogo issledovaniya)* [The image of the Soviet Union in the social memory of modern Russians (based on empirical research)], *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Socio-economic phenomena and processes], 2013, I. 11(57), pp. 193-198.

5. Golovashina O.V. "Memorial'nye voyny": mezhdru metaforoy i kontseptom ["Memorial wars": between metaphor and concept], *Tempus et Memoria* [Tempus et Memoria], 2021, V. 2, I. 1, pp. 43-52, DOI: 10.15826/tetm.2021.1.006.
6. Gritsenko G.D. Pamyat' o Velikoy Otechestvennoy voyne kak faktor konsolidatsii rossiyskogo polietnichnogo obshchestva [Memory of the Great Patriotic War as a factor in the consolidation of the Russian multi-ethnic society], *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2021, I. 2, pp. 156-172, DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-156-172.
7. Evgen'eva T.V., Selezneva A.V. Sovetskoe proshloe v tsennostnom i obrazno-simvolicheskom prostranstve rossiyskoy identichnosti [The Soviet past in the value and figurative-symbolic space of Russian identity], *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2016, I. 3, pp. 25-39, DOI 10.17976/jpps/2016.03.04. (In Russian).
8. Kramarenko M.B. Istoricheskaya politika kak instrument vneshnego vozdeystviya na identichnost' [Historical policy as an instrument of external influence on identity], *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet Studies], 2021, V. 4, I. 1, pp. 33-42.
9. Moran M. Identichnost' i politika identichnosti: kul'turno-materialisticheskaya istoriya [Identity and Identity Politics: Cultural and Materialistic History], *Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture* [Emergency Reserve. Debate about politics and culture], 2021, I. 1 (135), pp. 15-39.
10. Pastyuk A.V. Obosnovanie transformatsii kul'turno-tsivilizatsionnoy identichnosti na postsovetskom prostranstve [Substantiation of the transformation of cultural and civilizational identity in the post-Soviet space], *Science Time* [Science Time], 2014, I. 12, pp. 387-390.
11. Puzanova Zh.V., Narbut N.P., Larina T.I., Tertyschnikova A.G. Tipologiya istoricheskoy pamyati o Vtoroy mirovoy voyne: metodologicheskie aspekty izucheniya (na primere studenchestva RUDN) [Typology of historical memory of the Second World War: methodological aspects of the study (on the example of RUDN University students)], *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology], 2020, V. 20, I. 2, pp. 292-306, DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-292-306.
12. Saganenko G.I., Vorontsova O.A. Predstavleniya molodezhi o strane epokhi SSSR [Representations of youth about the country of the era of the USSR], *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling], 2008, I. 27, pp. 158-187.
13. Sibiryakov I.V. Fenomen "novoy pamyati" o Velikoy Otechestvennoy voyne 1941-1945 gg. [The phenomenon of "new memory" of the Great Patriotic War of 1941-1945], *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social and Humanitarian Sciences], 2020, V. 20, I. 3, pp. 55-62, DOI: 10.14529/ssh200308.
14. Fadeeva L.A., Plotnikov D.S. Politika identichnosti i mezhdunarodnaya bezopasnost' evropeyskikh gosudarstv postsovetskogo prostranstva [Identity politics and international security of the European states of the post-Soviet space], *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political science], 2021, V. 23, I. 4, pp. 614-629, DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-614-629.
15. Fedorchenko S.N. Formirovanie novykh identichnostey na postsovetskom prostranstve: mezhdru real'nym i tsifrovym mirom [Formation of new identities in the post-Soviet space: between the real and digital world], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2021, V. 5, 3, pp. 3-15, DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-3-3-15.
16. Beer D. The social power of algorithms, *Information, Communication & Society*, 2017, V. 20, I. 1, pp. 1-13, DOI: 10.1080/1369118X.2016.1216147.
17. Larionov A., Baghdasaryan V., Fedorchenko S., Shults E. Exogenous factors of memory formation about the great soviet era in contemporary Russia, *Linguistics and Culture Review*, 2021, 5(S3), pp. 1597-1605, DOI: 10.21744/lingcure.v5nS3.1830.

18. Willerton J., Beznosov M., Carrier M. A Russian national idea and the international system *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2021, V. 5, I. 3, pp. 75-96, htwDOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-3-75-96.